

ЭЛЬ МЮРИД
АЛЕКС АНДРЕЕВ

КУКЛЫ И КУКЛОВОДЫ УКРАИНСКОЙ КАТАСТРОФЫ



ТЕХНОЛОГИИ ГОСПЕРЕВОРОТА

Эль Мюрид

**Куклы и кукловоды
украинской катастрофы.
Технологии госпереворота**

«Книжный мир»

2015

Мюрид Э.

Куклы и кукловоды украинской катастрофы. Технологии
госпереворота / Э. Мюрид — «Книжный мир», 2015

ISBN 978-5-8041-0775-9

«Украина – не Россия!» – начертала новоявленная элита бывшего братского народа на своих знаменах. Видимо: и Россия не Украина? Но так ли это? В чем разница, и в чем сходство двух бывших советских республик? Не угрожает ли и нам та катастрофа, которая случилась на Украине в феврале 2014 года? О сходствах и различиях властных пирамид России и Украины, об олигархии и сублимированном мышлении, «цветных революциях» и планах Запада столкнуть лбами украинцев и русских – новая книга двух соавторов: Анатолия Несмияна (Эль-Мюрида) и Алекса Андреева. Широко известный в рунете писатель и блоггер Эль-Мюрид и отлично осведомленный о киевском закулисье Алекс Андреев – мощный тандем, чья работа проливает свет на темную сторону украинского политикума: связь украинских госчиновников с западными спецслужбами, коррумпированность и непрофессиональность укро-элиты, тайны кривых дорог, которыми пришла к власти кровавая хунта. Книга шокирующих разоблачений, книга пугающих предупреждений, книга, которая заставляет задуматься тех, кто еще способен думать: а застрахована ли Россия от того пути, по которому пошла Украина?

ISBN 978-5-8041-0775-9

© Мюрид Э., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Пирамида власти	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эль Мюрид, Алекс Андреев

Куклы и кукловоды украинской катастрофы. Технологии госпереворота

Пирамида власти

Эль-Мюрид

Государство, как известно – это инструмент, с помощью которого правящий класс навязывает свою волю всему остальному обществу и обеспечивает исполнение этой воли. Нет смысла раскрывать подробнее эту тему, отмечу лишь сделанное В.И. Лениным в 1919 году определение: «Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим...» (Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г, впервые опубликована 29 января 1929 г. в газете «Правда» № 15)

Если кому не нравится подобная трактовка, тот может заменить понятие «класс» на «правлящий слой» или какое-либо еще, суть не изменится.

В любом обществе, за исключением первобытнообщинного коммунизма, существует имущественное неравенство, что выделяет группу людей, заинтересованную в сохранении своего преимущественного положения. Они и создают государственный аппарат, которым защищают свои интересы от всех остальных. В данном вопросе невозможно не согласиться с трактовками идеологов коммунизма, поэтому нет смысла дискутировать на эту тему, примем ее «ас ис» – как есть.

В разных обществах в разное время правящий слой имел разный вид. Скажем, во времена СССР правящим классом являлась партийно-советская номенклатура, что весьма убедительно доказал и показал выдающийся исследователь этого явления М.С. Восленский. Он разделял её на собственно номенклатуру (то есть перечень не избираемых, а назначаемых должностей в органах власти и управления) и на аппарат – то есть, ту часть номенклатуры, которая и осуществляет подбор, назначение и выносит решения.

Безусловно, в понятие номенклатуры входит более широкий спектр людей, часть из которых, строго говоря, номенклатурой может и не являться – это творческая, техническая интеллигенция, выполняющая свою особую роль в деле управления населением, это и ряд других представителей высших слоев различных общественных страт, однако здесь важно иное: советское государство было точно таким же инструментом навязывания воли правящего класса (слоя) всему остальному населению страны.

Современное постсоветское государство в силу уродливости и неравномерности процессов развала СССР, где воедино сплелись проект позднесоветской номенклатуры по конвертации власти в собственность и легализации такого положения и проекты внешних сил, взаимно дополняя и противореча друг другу, тоже представляет из себя довольно уродливое, но такое же по сути своей образование: оно является инструментом принуждения и навязывания воли пришедшего на волне распада СССР нового правящего слоя (или класса) всем остальным народам стран, возникших на месте распавшегося Советского Союза.

С учетом того, что государственный переворот, перешедший в гражданскую войну на Украине, является естественным следствием процессов распада СССР и создания на его территории новых государств, есть смысл более подробно рассмотреть те проблемы, которые привели к созданию нежизнеспособного (как показали события Майдана 2013–2014 годов) государства Украина, и попытаться осознать, насколько они являются системными для нашей страны, которая тоже испытывает аналогичные трудности и проблемы. Возможно, что ката-

строфа на Украине является ее индивидуальной особенностью, а может – это закономерность, которая будет проявляться и далее на территории прочих стран бывшего СССР. Для нас, живущих в России, это далеко не праздный вопрос, поэтому ответ на него на мой взгляд, имеет исключительное значение.

Мой соавтор рассматривает процессы, происходившие на Украине, с точки зрения внешних проектных манипуляций с помощью технологий социального инжиниринга. Я же попробую осветить их с точки зрения внутренних проблем возникших на обломках Советского Союза обществ и государств. Модели, которые построены нами в этой книге, не носят всеобъемлющего характера, поэтому прогнозы, построенные на этих моделях, не могут иметь исчисляемое количественное измерение, однако качественный анализ и прогностика, как мы смеем надеяться, с их помощью вполне доступны.

* * *

Оскал злодейки-судьбы заключается в том, что убитый в Москве строитель современного российского олигархического государства Борис Немцов ввел в России понятие «олигархия». Во всяком случае, он сам в «Литературной Газете» № 32–33 от 9-15 августа 2000 года утверждал это в своем интервью: «...Я ввел в обиход понятие «олигарх» и назвал фамилии Березовского, Гусинского, Смоленского, Ходорковского и других...». Есть мнение, что его ввел в оборот Е.М. Примаков, призвав разделять понятие «предприниматель» и «олигарх» – хотя его призыв датируется гораздо позже – 23 декабря 2003 года в выступлении в Торгово-Промышленной палате России.

Так или иначе, но определение оказалось довольно устойчивым и во многом отражает суть установившегося в России порядка вещей, в котором реальная власть стала принадлежать крайне узкой прослойке людей (олигархия – «власть немногих»). Возможно, оно не совсем корректно и поэтому трактуется разными исследователями и всеми, кто применяет это понятие, по-разному, но в целом суть выхвачена весьма верно.

Правящий слой России весьма условно, но можно представить в виде пирамиды, верхняя часть которой исключительно невелика – буквально тысяча человек. Есть даже термин «тысяча семей» – то есть, это люди, которым принадлежит реальная власть и значительная часть собственности в России, во всяком случае, ключевой собственности – той, которая обеспечивает максимальные доходы.

Второй уровень пирамиды – условные «десять тысяч семей», которым также принадлежит огромная собственность, однако уже на более низовом уровне – региональном. Наконец, есть условная «сотня тысяч семей» – то есть, обслуживающий слой. Судьи, прокуроры, полицейские чины, аппарат управления в центре и на местах, высший генералитет, медийные фигуры – артисты, журналисты, творческие, спортивные, медийные чиновники, профессиональный депутатский корпус и так далее.

Эти условные «сто одиннадцать тысяч семей» и есть правящий и обслуживающий правящий слой людей. Те, кто кровно заинтересован в существовании сложившегося положения дел и те, кто не дрогнув, отдадут любые приказы во имя сохранения нынешнего порядка. Их сила заключается в обладании всеми доступными ключевыми ресурсами – в первую очередь, властью и собственностью.

Эта весьма уродливая система власти основана на возможности конвертирования разных по своей сути ресурсов друг в друга: власти в собственность и обратно. Поэтому сохранение сложившейся на постсоветском пространстве системы общественных отношений возможно только при сохранении возможности подобной конвертации. Ликвидация этой возможности ликвидирует и олигархический способ управления нашими странами. Всевозможная несистемная оппозиция – от ультралиберальной до откровенно националистической – предлагая

свои рецепты изменения ситуации, тщательно обходит молчанием эту важнейшую особенность сложившегося порядка вещей.

Можно сказать, что целью несистемной оппозиции, которая умалчивает эту особенность, является надежда встроиться в существующую систему власти и управления, не меняя ее. Говоря иначе, их устраивает сама система, не устраивает свое место в ней. Видимо, поэтому власть борется с несистемной оппозицией вяло и без блеска в глазах: ее рассматривают во многом как кадровый резерв и как «мальчика для битья», но не как врага. В некотором смысле такая ситуация напоминает общество страны Неизвестных Отцов в «Обитаемом Острове» Стругацких: выродки являются как правящей верхушкой страны, так и ее отбросами.

Весьма любопытно было смотреть на потуги так называемой «болотной оппозиции» во время массовых мероприятий в Москве в конце 2011 – начале 2012 года. Она персонифицировала свое недовольство системой лично на Владимире Путине, нисколько не пытаясь даже поставить вопрос о несправедливом характере самой системы власти. Все позитивные лозунги носили не просто косметический, а совершенно смехотворный характер – как-то, более справедливое судопроизводство. «Более справедливый» характер, видимо, должен был заключаться в вынесении решений, устраивающих «болотную оппозицию». При этом не затрагивался вопрос об обслуживающем олигархию характере судебной системы, что полностью обесценивает любые призывы к ее изменениям – причина системных несправедливых судебных решений лежит не в области права, а в области роли и места обслуживающих олигархическое государство структур. Поэтому «косметика», предложенная оппозицией, не может вызывать ничего, кроме горького смеха.

Естественно, что «первая тысяча семей» неоднородна хотя бы потому, что контролирует разные ресурсы. Существует классическая вертикальная триада по характеру капитала: промышленный, сырьевой и финансовый капитал, который пересекается по горизонтали так называемой управляющей, силовой, региональной элитой – по характеру властного ресурса. По сути, пересечения этих относительно условных линий и создает приблизительную структуру высшего управляющего слоя России. В других странах эти «линии» могут иметь свой специфический характер, между ними может быть выстроен свой индивидуальный для каждой страны баланс, но в целом высшая олигархия выглядит примерно одинаково везде.

Еще одной весьма важной характеристикой олигархии является ее ориентированность на внешние источники силы. Внешние по отношению ко всей управляющей системе, то есть, теоретически опора на народ тоже может существовать – но проблема сложившихся государств заключается в том, что народ рассматривается ими исключительно как кормовая база, ресурс, и любой, кто попытается повысить его субъектность, будет неизбежно объявлен врагом системы и безжалостно «вычищен» из нее. Поэтому говоря о внешних силах, нужно иметь в виду именно внешние – по отношению к системе власти и управления и по отношению к стране – силы за пределами наших границ.

Это создает серьезный дестабилизирующий момент, который серьезно снижает субъектность уже самого правящего класса, вынужденного играть роль вассалов и включаться в схватки и войны внешних групп влияния, не имея никакой выгоды от участия в них. Однако это плата за «крышу» и сеньораж, поэтому воспринимается олигархией как неизбежное зло.

Таким образом формируются группировки и кланы в правящей олигархии, которая выстраивает внутри общей пирамиды системы власти свои собственные подсистемы, включающие второй и третий ее слой. Между ними идет классическая конкурентная борьба, но в общем и целом после стабилизации сложившегося порядка вещей, все кланы и группировки заинтересованы в общей стабильности системы и стараются не нарушать ее целостность и устойчивость.

В этой системе роль высшего руководителя – президента – становится если не ключевой, то весьма важной для консервации ситуации. В определенном смысле он играет роль условного замкового камня, вынудив который, можно обрушить всю конструкцию. Именно поэтому роль

президента мало зависит от его личности. Как можно было видеть на примере одного из слабейших и ничтожнейших правителей нашей страны за всю ее историю – Д.А. Медведева, даже такое существо вполне может руководить сложившейся системой в случае, если он не покушается на ее целостность. Более того, президент становится главной фигурой, которая более чем кто-либо заинтересован в сохранении стабильности системы при любых внешних и внутренних потрясениях. Его положение определяется только стабильностью системы, поэтому балансирование между интересами кланов – не какое-то запредельное искусство конкретного президента, а его основная управленческая функция.

Отсюда следует, кстати говоря, весьма любопытное следствие: существует устойчивый миф «о добром царе и злых боярах», который в разных вариантах распространяется разными спикерами. В реальности дело обстоит ровно наоборот – более заинтересованного в консервировании ситуации, а значит, и в бесконечном продолжении антинародной грабительской политики по отношению к стране и ее народу, чем президент, просто не существует. Любое изменение системы делает его роль принципиально иной, и создает ситуацию, когда от него будут требоваться совершенно иные качества, а возможно – и вообще его роль будет сведена до сугубо церемониальной.

Предполагать, что человек на вершине власти будет делать что-то, что неизвестным образом отразится на его личном положении в системе властных отношений, просто нелепо. Поэтому и миф «о добром царе» является именно мифом и ничем иным – безотносительно личности первого лица.

Описанная картина в реальности, конечно же, выглядит гораздо сложнее, так как внутри нее действуют не только рациональные, но и сугубо иррациональные соображения, личные отношения, человеческий фактор, ошибки и просчеты. Кроме того, одной из особенностей олигархической системы является ее почти полная закрытость от проникновения так называемой «свежей крови», что вызывает классическую проблему второго закона термодинамики: в закрытой системе процессы энтропии могут только возрастать. В просторечье это называется гниение, а более грубо ситуация описывается народным утверждением о рыбе, гниющей с головы.

В реальности эта ситуация сопровождается отрицательным отбором, когда человек допускается во власть и имеет возможность карьерного роста только в случае наличия компромата, а значит, и наличия всевозможных отрицательных личных черт. В подобных условиях человеческий материал управляющей элиты очень быстро проходит все возможные ступени деградации, что отражается на качестве принимаемых управленческих решений.

Я в качестве примера исключительной убогости и профессиональной непригодности российской управляющей элиты всегда привожу предельно вопиющий пример. Их, безусловно, огромное количество, но этот – просто вишенка на торте. Главный российский специалист по газу – руководитель «Газпрома» А.Б. Миллер – не просто «проспал» сланцевую революцию в США, а активно проводил в жизнь идею о том, что эта революция – миф, очередной пузырь, который скоро лопнет. Откуда следовал логический вывод: никаких угроз для России он не представляет, нет никакого смысла учитывать его как дестабилизирующий российскую газовую политику фактор. Последнее публичное выступление на эту тему у А.Б. Миллера состоялось 30 марта 2013 года в интервью «Вести в субботу», где он сообщил: «...Нам не известен ни один проект в настоящее время, где рентабельность на скважинах добычи сланцевого газа была бы примерно положительного значения, абсолютно все скважины имеют отрицательное значение. Есть такое мнение, что это вообще «мыльный пузырь», который в самое ближайшее время лопнет», – заявил Миллер...

«Америка нашим конкурентом не является. В отношении сланцевого газа мы относимся скептически, никаких рисков не видим. Соединенные Штаты Америки остаются газодефицитной страной. Америка является крупнейшим газовым рынком и потребляет газа больше всех».

По данным главы «Газпрома», согласно анализу экспертов, объем добычи сланцевого газа соответствует объему снижения добычи природного газа на территории США. «Поэтому, по-видимому, добыча сланцевого газа в США вызвана какими-то другими причинами. Можно предположить, что это причины энергетической безопасности США», – считает Миллер...»¹

Как видно сегодня, сланцевый «пузырь» не только не лопнул, но и неплохо себя чувствует даже в ситуации резкого падения цен на нефть, к которым привязана его цена, а ценовая война, объявленная

Саудовской Аравией, в гораздо большей степени отражается на России, чем на сланцевом проекте США.

Такая ошибка может быть прощительна обычному человеку, даже эксперту. Но руководитель крупнейшей газовой корпорации страны, которая обеспечивает устойчивость бюджета, просто не имеет право на подобные стратегические ошибки, на которых строится, в том числе, и государственное планирование внешней и внутренней политики. Скажем, война на Украине имеет мощный фактор отрезания российских потоков газа от Европы в пользу якобы несуществующего сланцевого газа из США. (Строго говоря, к импорту и транспортировке в сжиженном состоянии сланцевый газ непригоден. Это товар-субститут, товар-заменитель. Сланцевый газ высвобождает объемы обычного природного газа, который и будет сжигаться и транспортироваться танкерами. Тем не менее, именно сланцевый газ обеспечивает переизбыток предложения на рынке, позволяя газовым корпорациям США разворачивать свои экспортные программы).

Недооценка, а точнее – игнорирование существования последствий сланцевой революции и ее влияния на возможность экспорта газа из США не позволили сделать правильный прогноз событий на Украине, а значит, все государственное планирование на этом направлении было провалено напрочь. Цена неверного прогноза чиновника столь высокого (и, казалось бы, ответственного) уровня – миллиарды долларов потерь и человеческое измерение, которое мы можем сегодня в он-лайн режиме наблюдать на Донбассе.

Невежественность Миллера вполне объяснима: невероятные права людей в системе олигархической власти и управления сопровождаются полным отсутствием ответственности. Эпизодические «посадки» высших управленцев являются совершенно несистемным явлением и могут свидетельствовать лишь об их личном поражении в кулуарной конкурентной борьбе. К примеру, история с мартовским (2015 год) арестом сахалинского губернатора Хорошавина, когда во время обыска в его доме был найден миллиард наличных рублей, вряд ли является единичным случаем. В конце концов, мы живем в России и эмпирически осведомлены о том, что этот слой людей полностью бесконтролен и неподотчетен. Вряд ли миллиард рублей в прикроватной тумбочке является свидетельством kleptomании конкретного губернатора, скорее, мы стали свидетелями нормы поведения этого слоя людей.

Украина в компоненте деградации управленческого слоя существенно опережает Россию, и ужасающее качество человеческого материала в украинском «политикуме» приводит к невероятным по степени некомпетентности решениям. Военная кампания на Донбассе – характерный пример деградации военной мысли и качества военного управления на Украине. Кретинизм военных руководителей всех звеньев извиняет только еще больший кретинизм политиков, которые отдают военным приказы.

Игорь Стрелков в частной беседе со мной, а затем и в своих публичных выступлениях называл катастрофические просчеты на всех уровнях военного управления одной из главных причин вполне успешного противостояния ополчения Донбасса кадровой армии Украины в

¹ Цитируется по: «Газете. Ру» от 31 марта 2013 года: «Миллер: сланцевый «пузырь» США скоро лопнет» http://www.gazeta.ru/business/news/2013/03/31/n_2826333.shtml.

период, когда ополчение находилось в стадии становления, а ВСУ и территориальные батальоны нацистов обладали подавляющим преимуществом как в людях, так и технике.

Является ли такое «первенство» Украины ее индивидуальной особенностью или стало следствием более ускоренной ее деградации – вопрос важный, но пока ограничимся лишь его констатацией. Не следует это понимать как индульгенцию для России – к сожалению, эти процессы и у нас носят довольно динамичный характер, так что у нас есть все шансы быстро догнать, а то и перегнать Украину. Первенство здесь носит очень сомнительный характер, так что стремиться на призовое место точно не стоит.

Несмотря на относительную условность описанной системы власти и управления, которую привычно называют «олигархией» или «олигополией», в целом, на мой взгляд, она вполне верно отражает ее состояние. Однако оговорюсь сразу: такое положение возможно только в период относительно стабильного развития. Любой кризис, который носит признаки системного, немедленно меняет в этой стабильной конструкции практически всё.

При этом олигархия является крайне архаизированной и главное – принципиально нерформируемой изнутри системой управления, что автоматически ведет к застою, консервации всех проблем, а соответственно, нарастанию противоречий, которые разрешаются исключительно взрывным образом. С.Б. Переслегин в своей статье «Опасная бритва Оккама» (к ней я вернусь еще раз ниже) дает характеристику естественному процессу развития глобализированной экономики:

«...С миром, привыкшим к непрерывной экспансии, произошло то же самое, что нередко бывает с небольшими растущими фирмами, которые вдруг осознают, что период роста закончился, свою долю рынка они получили и другой уже не будет. Начинается борьба за снижение издержек, вводится политика экономии, создается штатное расписание, в котором каждому прописаны его функциональные обязанности. Быстро растет бюрократизация бизнес-процесса, вводятся технологические стандарты и должностные инструкции. Разделяется владение и управление, выстраивается система менеджмента. По мере продвижения фирмы в сторону организованности и заорганизованности «отцы-основатели», прежний креативный персонал, покидают ее...»

Ключевая особенность: «разделяется владение и управление». Как раз то, что и является квинтэссенцией олигополии – невозможность подобного разделения и взаимная конвертация власти и собственности. Олигархи, появившись и утвердив свою власть, неизбежно отбрасывают захваченную ими страну на обочину, а процесс реформирования выстроенной ими системы управления всегда проходит предельно конфликтно с неясным конечным результатом. Как показали события на Украине, гражданская война с массовыми жертвами и разрушениями тоже являются особенностями и весьма возможными атрибутами кризисов внутри олигархического государства

* * *

Проблемой государства со слабой экономикой является его крайняя незащищенность перед любым кризисом. Внутренних ресурсов выйти из кризиса у такого государства или нет, или они недостаточны, но главное – практически всегда причины кризиса недоступны для разрешения этой стране, поэтому она неспособна решить их, и вынуждена бороться лишь с последствиями. В такой ситуации никакие «подушки безопасности», накопленные в стабильные годы, не могут ни помочь, ни спасти – они попросту проедаются, после чего кризис обрушивается на страну всей своей мощью.

Российская олигархия, вынужденная опираться на внешние источники силы, заплатила за право «вхождения в семью цивилизованных народов» подчиненным положением своей экономики, встраиванием в мировое разделение труда на низших ступенях создания добавленной

стоимости. Именно это и определяет системность такого явления, как «сырьевой придаток». Не некая злая воля или некомпетентность руководства, а железная и объективная логика вхождения в «семью» становится причиной тотальной деиндустриализации страны.

Естественно, что интересы страны и народа в таком положении вещей отсутствуют, однако свою волю в этом вопросе как раз и навязывает олигархия, которая имеет возможность единственная получить выгоду от вхождения в мировую элиту – пусть и на очень второстепенных ролях, с оговорками и неизбежной в таком случае зависимостью от внешних игроков. Фраза Збигнева Бжезинского о российской элите, хранящей свои пятьсот миллиардов долларов на Западе: «Еще большой вопрос – чья эта элита», стала по сути нарицательной. При этом никто и не пытается оспорить ее справедливость.

Абсолютно аналогичная ситуация в этом компоненте наблюдается во всех остальных странах бывшего СССР, в которых правящий режим соответствует определению «олигархия». Украина к таковым странам относится полностью и без малейших оговорок.

Такие же процессы, но более динамично и без создания олигархического государства, проходили и в странах Восточной Европы. Европейская бюрократия, включая страны Восточной Европы в свою орбиту, имела целью расширение рынка сбыта европейских товаров, и поэтому никаких конкурирующих систем управления терпеть была не готова. В этом смысле восточноевропейские страны были сразу и быстро переформатированы под европейские стандарты управления, чему во многом способствовали и культурные особенности восточноевропейцев, которые готовы относительно бесконфликтно воспринимать их без слома психики. Однако это никак не поспособствовало тому, что Восточная Европа могла стать равной «старой» Европе – она была включена на роли полуколонии с неизбежной деиндустриализацией, архаизацией и обезлюживанием огромных территорий.

Более восточные территории ни Европа, ни Соединенные Штаты не смогли одновременно «переварить», что и привело к возникновению крайне уродливых и ублюдочных форм управления. С одной стороны, это оставляет шанс на самостоятельное развитие в случае ликвидации олигархии, однако при этом деградация стран бывшего СССР, ставших полем управления олигархических кланов, носила крайне динамичный характер. Даже в России экономика, согласно официальной статистике, смогла вернуться на уровень 1990 года только в 2011 году. Достижением это назвать крайне сложно, так как 1990 год – это год пика кризиса, который и обрушил в итоге СССР, то есть, самая низкая точка, с которой и началось обрушение наших стран в начале 90 годов прошлого века.

В остальных странах бывшего СССР ситуация еще хуже, и никаких шансов вернуться в «благословенное кризисное советское прошлое» у них, видимо, при существующих вводных просто нет.

В ситуации кризиса властные группировки и кланы вынуждены решать две параллельные задачи: с одной стороны они продолжают вести конкурентную борьбу с другими кланами, с другой – «сжатие» национального пирога ставит перед ними задачу выживания, которая решается всегда в одном и том же ключе: должен быть выбран клан-«жертва», который будет ликвидирован, а его ресурсы распределены между победителями.

Таким образом обеспечивается выживание: при сжимающемся внешнем конуре за счет внутреннего перераспределения ресурсов группировки-победители получают возможность развития, пусть и кризисного. Тем самым решается проблема Второго начала термодинамики через пожирание части системы ради сохранения ее самой. Так голодающий человек поедает накопленные в виде жировых отложений запасы. Правда, если процесс не будет остановлен, он перейдет в дистрофию, которая может уже и не излечиться.

Проблема олигархического государства заключается в том, что, будучи в самом низу «пищевой цепочки» в мировой системе разделения труда, оно в числе первых входит в любой региональный и мировой кризис и в числе последних из него уходит. При этом можно пред-

полагать, что потери олигархического государства от кризиса всегда будут выше, чем у всех остальных, а шансов на то, чтобы использовать кризис как источник развития, у него практически нет. Развиваться можно лишь изменяясь, а главная цель олигополии – сохранять всё как есть максимально продолжительное время.

Кризисное существование олигархического государства, его стратегия, тактика, реакция кланов и группировок на кризис – это отдельная, и, по правде говоря, крайне увлекательная тема. Я не стану ее здесь развивать просто потому, что она не относится напрямую к проблемам, которые затрагиваются в книге. Тем не менее, сугубо бездоказательно, в аксиоматическом порядке ряд эмпирических и общепризнанных наблюдений будут по ходу процесса приводиться и использоваться.

Разумная и наиболее эффективная тактика действий клановых группировок во время кризиса (естественно, с их точки зрения) выглядит как выбор конкретной жертвы в лице одного из конкурирующих кланов, его разгром и относительно бескровное поглощение его ресурсной базы всеми остальными. В случае, если кризис к моменту, когда эти ресурсы будут «переварены», не прекратится, должен последовать новый цикл внутривидовой борьбы – и так до окончания кризиса, причины которого находятся вне, а поэтому олигархия неспособна самостоятельно их ликвидировать.

Собственно, мы все своими глазами наблюдаем верность такого утверждения: начавшийся в 2007–2008 мировой кризис отражается на России (равно как и на прочих странах бывшего СССР), но мы способны лишь на ликвидацию или купирование последствий этого кризиса. Его причины нам неподвластны, а поэтому всё, что может делать олигархическая властная верхушка России – это лишь реагировать и пытаться минимизировать последствия кризиса. Никакой иной стратегии действий она проводить неспособна по объективным обстоятельствам.

Тем не менее, в реальной жизни борьба клановых группировок довольно далека от разумной и эффективной. Украина тому наиболее яркий пример.

Клан Януковича пришел к власти в 2010 году, когда мировой кризис серьезно затронул всю капиталистическую периферию, включая и Украину. Какое-то время она обеспечивала свое развитие за счет накопленных запасов, однако слой «подкожного жира» был крайне небольшим, и к моменту прихода Януковича на пост президента межклановая борьба стала единственным разумным способом выживания.

Тактически верным ходом за клан Януковича, конечно же, был выбор конкретной жертвы и предложение всем остальным поучаствовать в её уничтожении и дележе ресурсов. Естественно, что Янукович, как первый среди равных, мог в этом случае рассчитывать на самую большую долю, что вряд ли вызвало неприятие всех остальных участников грабежа награбленного.

Однако человеческий фактор, жадность и в определенной степени обычная человеческая глупость вкупе с чувством вседозволенности привели к тому, что Янукович стал «откусывать» понемногу и ото всех. Это вызвало протест и нарастание недовольства в олигархической среде Украины, вследствие чего именно клан Януковича в конечном итоге объединил против себя всех остальных. Пожалуй, это и стало ключевой причиной запуска Майдана-2013, который действительно стал неожиданностью для всех. Владимир Путин совершенно не зря сообщил на одной из своих публичных пресс-конференций, что в России ожидали обострения ситуации на Украине – но в 2015 году. Вряд ли Майдан в 2013 году ожидали и все остальные внешние игроки: он стал сюрпризом и для них.

Веди Янукович и его клан борьбу за выживание тактически более грамотно, он мог бы оставаться у власти весь отведенный срок, а при грамотном использовании своего первенства – беспроblemно выиграть следующие президентские выборы.

Тем не менее, специфика олигархического государства и логика поведения клановых группировок проявилась на Украине вполне классически: ликвидировав Януковича как политика, конкурирующие кланы занялись дележом его «наследства», оставшегося без политического и властного прикрытия. Проблема конкретной украинской ситуации заключается в том, что Майдан стал ситуативным «объединением против» поневоле, и уже в ходе государственного переворота проявились противоречия внутри созданной против Януковича унии. Далее они лишь усугубились, так как не было признанного лидера этой унии. Во многом поэтому процессы после государственного переворота пошли, что называется, вразнос, это и определило остроту конфликта и перерастание его в вооруженную стадию.

Описанные процессы в конечном итоге привели к тому, что прежние, мирные, способы разрешения межклановых противоречий оказались подорванными, и вооруженные отряды – частные армии олигархов внесли в прежний механизм исключительно дестабилизирующий момент.

Можно предположить, что в конечном итоге все олигархические группировки Украины (если, конечно, она выживет и не будет разорвана противоречиями) постараются выработать договоренности, по которым эти частные армии будут ликвидированы, как элемент нестабильности. Однако понятно, что такого рода договоренности потребуют гарантий для тех олигархов, которые сумели в ходе гражданской войны создать наиболее многочисленные и боеспособные с точки зрения решения задач межклановой борьбы вооруженные группировки. Тактическая победа президента Порошенко над губернатором Днепропетровской области Коломойским в марте 2015 года отодвинула достижение подобного рода договоренностей, и оставила формального победителя-президента перед сложным выбором: продолжать ли силовое разрешение конфликта с Коломойским либо начать с ним переговоры о выработке требуемого мирного соглашения.

В свое время в России проходили (хотя и в менее масштабной и острой форме) подобные процессы. В 90 годы, ставшие символом бандитизма эпохи первичного накопления капитала, массовый отстрел бизнесменов и чиновников, использование силовых ресурсов по отношению к конкурентам вызвал в конечном итоге негласную договоренность среди крупнейших олигархов первой волны о неприменении друг к другу подобных методов ведения конкурентных войн. Часть олигархов не согласилась с подобной постановкой вопроса – причем это была та часть, которая уже успела создать свои частные силовые структуры и решала с их помощью задачи борьбы. Существование таких «несистемных» олигархов и вызвало объективную потребность в создании системы арбитража, и скорее всего, перед Владимиром Путиным в первый его срок была поставлена задача ликвидации всех тех олигархов, которые отказывались играть по новым правилам. В общем и целом эта задача была выполнена, хотя за нее пришлось заплатить немалую цену – консервация сложившегося положения стала причиной отказа от развития страны в пользу стабильности клановоолигархической системы управления.

На Украине ситуация после Майдана оказалась гораздо сложнее. Жесткие противоречия в среде формальных победителей не позволили им быстро и качественно решить проблему ликвидации донецкого клана в целом, что позволило его представителям сделать ставку на спонтанно возникшее народное восстание на Донбассе. Путем сложных и непубличных договоренностей с «коллегами» из России территория восстания в конечном итоге была взята под контроль донецкими олигархами, а ополчение Донбасса стало по сути, такой же частной олигархической армией, как и территориальные батальоны киевских и днепропетровских олигархов. Война прочно перешла на рельсы межклановой борьбы, с единственным дополнением: пропаганда с обеих сторон всячески обходит этот весьма щекотливый вопрос, который в случае его откровенного и правдивого освещения вызовет крайнее раздражение населения по обе линии фронта.

Сторонники «революции гидности» и без того недовольны тем, что на волне идеалов Майдана к власти пришли те же самые олигархи и продажные чиновники из прежней обоймы украинского «политикума», население Донбасса, весьма наивно полагавшее, что оно восстало против засилья олигархов и за какую-то пусть и абстрактную, но тем не менее справедливую идею «Русского мира», естественно, очень болезненно воспримет тот факт, что колоссальные жертвы и разрушения этой войны – лишь цена сохранения собственности и политических позиций всё тех же донецких кланов.

В итоге на сегодняшней Украине нет довлеющей силы, способной навязать единое решение для всех. Это определяет затяжной характер конфликта и высокую степень неопределенности его результатов.

* * *

В своей статье «Опасная бритва Оккама» С.Б. Переслегин пишет:

«...Особенностью индустриальной экономики является ее принципиально кредитный характер, проще говоря – наличие ссудного процента. Это обстоятельство приводит, во-первых, к инфляции – возрастанию денежной массы и обесцениванию накопленных сокровищ. Во-вторых, к появлению в экономике инновационных элементов, созданию новых стоимостей. В-третьих, к экстенсивному росту рынков. Индустриальная экономика обречена расти. Через кризисы, через войны, через длинные циклы, но – обязательно расти.

Для роста нужны ресурсы: сырье, люди и рынки. И то и другое, и третье подразумевает пространство, свободное от индустриального производства. И вся история индустриальной фазы – это своеобразный «бег к морю», к границам мира обитаемого...²»

Современный капитализм прошел ряд стадий, целью которых стали попытки преодолеть существующую системную проблему, о которой пишет Переслегин. Достигнув пределов экстенсивного роста и закрыв на длительную перспективу выход в космос и его освоение, как логичный этап расширения рынков сбыта и сохранение существующей системы, капитализм был вынужден пойти по пути интенсификации потребления, используя его как квазирешение, обеспечивающее относительную устойчивость глобальной экономики в период поиска системного выхода из сложившегося кризисного положения.

Естественно, что такое квазирешение не может бесконечно удерживать стабильность и бесконфликтность, однако оно позволяет внутри замкнутой системы, которой является глобализированная экономика, инициировать мини-кризисы, предохраняясь от глобальной катастрофы, к которой не готов никто, хотя существуют определенные планы, основанные на глобальном конфликте, как способе разрешения возникшего кризиса.

В чем суть такого решения? Интенсификация потребления позволяет одному и тому же человеку-потребителю поддерживать рост или хотя бы минимальную устойчивость экономики за счет уменьшения срока пользования тем или иным товаром. Интенсификация потребления вынуждает потребителя покупать товары, в сущности, не нужные ему. Прекрасным образцом такого принципа является «гонка гаджетов», когда ежегодно хай-тек корпорации обновляют линейки телефонов, смартфонов, планшетов и сопутствующих им устройств, проводя мощнейшие рекламные кампании по стимулированию продаж, формируя устойчивый спрос на новейшие гаджеты, хотя в общем и целом, они по своим функциональным свойствам очень мало отличаются от более ранних моделей.

Фанаты-гаджетоманы со мной не согласятся, рассказывая о технологических рывках, и в какой-то мере будут правы. Но общая картина от этого все равно не меняется: стимулирование

² Цитируется по: С.Б. Переслегин. Опасная бритва Оккама; <http://pagodi.ru/text/opasnaya-britva-okkama/page-7>

продаж ненужных товаров, создание моды и культа на владение ими поддерживает производство этих ненужных товаров, вытягивая в целом глобальную экономику.

Подобная ситуация создается во всех возможных секторах и отраслях экономики. Ситуация, когда важнейшей характеристикой товара являлась его надежность, становится его крупнейшим минусом, но эта нетерпимая с точки зрения потребительского бума характеристика преодолевается созданием потребительской истерии, которая вынуждает покупать, покупать и покупать, отключая элементарную житейскую логику и рациональные соображения.

Это отступление сделано не для того, чтобы гневно пообличать звериную сущность капитализма. Жестокая необходимость вынуждает всю сложившуюся систему к подобным решениям – по крайней мере до тех пор, пока не будет найдено и воплощено решение, позволяющее системно преодолеть родовое пятно капитализма – необходимость его экстенсивного роста. Живя в этой системе, мы не можем не понимать бессмысленность подобных обличений или во всяком случае их бесперспективность. Решение лежит за ее пределами, и пока мы находимся внутри, мы обречены на следование ее особенностям. Нелепо, живя за Полярным кругом, вести образ жизни, как в тропической стране. Нужно либо уезжать в тропики, либо строить за Полярным кругом комфортные условия жизни. Либо – принимать существующие условия и жить соответственно им.

Современный капитализм, сформулировав квазирешение, в гипертрофированной форме приступил к формированию «идеального потребителя» – то есть, человека, абсолютно неспособного противиться навязываемым потребительским стандартам и моделям поведения. Ранее формирование «хватательных» инстинктов тоже носило обязательный характер в создании стереотипов поведения, однако именно сейчас современный глобальный капитализм заинтересован в полном подавлении инстинкта самосохранения «идеального потребителя» в интересах сохранения и выживания глобальной экономики.

Это непростая задача, которая требует реформирования психики – как индивидуальной, так и коллективной. Западная цивилизация, в недрах которой и зародилась философия протестантизма, ставшая идеологической основой капитализма в его нынешнем виде, с большим трудом смогла пройти такое реформирование. Очень непросто было расстаться с табу, ставшими культурной основой христианства. Протестантизм по сути отменил понятие греха, поначалу вынудив признать алчность за добродетель («Богатство угодно Богу»), а затем выведя и все остальные грехи и табуированные темы за пределы запрета («Всё на продажу»). Но такое реформирование шло столетиями, сопровождалось кровавыми войнами, революциями, отступлениями и победными рывками идеологии алчности.

Изменение психики народов, не относящихся к Западной (точнее ее называть Евроатлантической) цивилизации проходит стремительно в течение последнего столетия. Именно стремительность создаёт для этого процесса основные трудности, так как исключительно сложно стереть культурные слои, являющиеся особенностями иных цивилизаций в короткий срок.

Тем не менее, «на выходе» целью подобного реформирования и должен быть новый человек. Человек светлого капиталистического будущего. В отличие от идеального человека в версии советской фантастики: человека-творца, человека-альтруиста, человека умеренного в своих потребностях, евроатлантическое реформирование должно получить кадавра, неудовлетворенного полностью из «Понедельника» Стругацких. Нерассуждающего, с отключенным критическим мышлением, отвратительно и фрагментарно образованного, неспособного к самостоятельным суждениям и решениям практически во всех областях жизни, включая сугубо бытовую сторону. Всё это заменяет ему реклама и суждения авторитетов. Создаются секты, где гуру и вожди являются безусловными и абсолютными авторитетами, следование которым является обязательным.

Человек вталкивается в разные секты, которые определяют его жизнь во всех возможных ситуациях – от выбора политических предпочтений до потребительских инстинктов. Создается секта свидетелей Кургиняна, секта любителей продукции «Эппл», секта сторонников Майдана и так далее. Принадлежность к секте становится важнейшей социальной характеристикой человека или группы людей.

Не могу не привести с определенным редактированием свой собственный текст в блоге, написанный на эту тему:

«...У Сергея Переслегина (точнее, у группы авторов, среди которых был и Переелегин) имеется вышедшая недавно книга «Сумма стратегий», где они дают в том числе и обзор типов мышления. Очень многие комментарии прямо как по заказу выглядят иллюстрацией к одному из описанных ими типов мышления – сублимированному:

«... Уже указывалось, что мышление отнюдь не является всеобщим достоянием в отличие от Разума, причем доля людей, способных к самостоятельному и независимому мышлению, снижается от поколения к поколению, что еще раз свидетельствует о кризисе индустриальной фазы развития. В настоящее время число людей, к мышлению не способных, но симулирующих, изображающих его настолько велико, что их правильно назвать немыслящим большинством. В таком же смысле, мыслительную деятельность имитируют компьютерные программы – генераторы текстов. Объект, организующий сознание немыслящих, будем называть мышлением без мышления. Предмет такого квазимышления не определен и случаен, способом аргументации служат эмоции. Квазимышление бесструктурно, в нем не выделяются смысловые слои и единицы: кусочки событий, разорванные причинно-следственные цепи или, напротив, причинные связи, не имеющие причины, либо следствия, либо того и другого.

Сублимированное мышление

Формой квазимышления, характерной для современного общества, является сублимированное мышление. Этот термин не имеет отношения к Фрейдю и его модели, а скорее связан с технологиями производства продуктов питания, где словом «сублимация» обозначают процедуру удаления влаги из свежих продуктов вакуумным способом.

Соответственно с мышлением происходит то же самое – из него удаляется вся «влага» и остается «сухой остаток», воспроизводящий ранее переваренные словесные «пакеты». Иными словами, сублимированное мышление не способно на то, чтобы производить новую информацию или организовывать новую деятельность – его функция состоит в обслуживании потребностей семантической среды. Субли мыслят словами, мыслят чужими теориями, усредненными суждениями, стереотипными конструктами, которые формулируют кастрированное подобие картины мира. Иное, тем паче иновое, в таком мышлении отсутствует полностью.

Можно сказать, что сублимированное мышление возникло тогда, когда стереотипы вышли из-под контроля людей и объединились в информационные конструкции, невидимые человеку, но по-своему разумные.

Для сублимированного мышления характерна псевдорефлексия – конструкции из слов и понятий, которые ничего не несут в себе, а используются для бесконечного самоповторения.

Сублимированное мышление довольно широко представлено в литературе, например, к этому типу мышления относится целый жанр – женский роман. Туда же относится большинство современной журналистики и публицистики (особенно сетевой)...»

По сути, немалая часть людей, следящих за украинским конфликтом что с «той», что с «этой» стороны ничем друг от друга не отличается. Зомби-патриоты с обеих сторон мыслят настолько заштампованными образами, что любой текст интерпретируют строго в рамках этих штампов. Есть некая устоявшаяся картина, вбитая пропагандой под общим названием «Крым-

наш» – и зомби с «этой» стороны любую попытку выйти за флажки этой картины (крайне условной, искусственной и очень далекой от реальности) просто не воспринимают и не понимают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.